

В ТЕ ПАМЯТНЫЕ ДНИ

В ЕСТЬ О войне застала артистов Костромского драматического театра имени А. Н. Островского на утренней репетиции. Паники не было. Все возмущались вероломством врага. Репетицию пришлось отменить.

Коллектив, костяк которого состоял из видных, хорошо зарекомендовавших себя в Костроме актеров (Е. В. Кристанс, В. Н. Соломина, Паули, Е. Н. Эделева, И. А. Злаугова, А. А. Смирнова, Кулагаторская, Л. Н. Григорьева, Л. В. Быкова, В. М. Ярчевский, П. В. Брянский, А. Л. Штерн, Г. К. Наумов и другие) начал новую, дружную и очень трудную жизнь. Нужно было совмещать актерскую, творческую работу с технической, ибо многие технические работники театра были призваны в армию. Актеров и актрис это не смутило. Они сами стали рабочими сцены, монтерами и мебельщиками, костюмерами, парикмахерами. Женщины умудрились быть билетершами, гардеробщицами и даже уборщицами.

Главным режиссером был Виктор Иванович Княжич, главным художником — М. П. Пирогов.

Объяснение: «билеты все проданы» часто висело на касовом окошечке.

За войну переменялось много режиссеров: Княжич, Михайлов, Лебедев, Бутурлин и др. Часто менялись и директоры: Артедьев, Новоселов, Курганов. Мы спешно готовили разнообразную концертную программу и спектакли. В большинстве случаев на современные и военные темы: «Мой сын», «Падь серебряная», «Солдаты Сталинграда», «Русские люди», «Инженер Сергеев», «Нашествие», «Парень из нашего города», «Испытание чувств», «Жди меня». Ставили русскую классику: «Волки и овцы», «Гроза», «Таланты и поклонники», «На всякого мудреца», «Бедность не порок», «Без вины виноватые».

Ставили также Кальдерона, Шекспира, Лопе де Вега, Гольдони, Бомарше.

Сборы были, как мы говорили, «битковые». Если бы театр волею Хоттабыча мог увеличиться в пять раз, мест все равно не хватило бы.

Помимо основных спектаклей, труппа была занята обслуживанием госпиталей и фронтовых воинских частей.

В госпиталях мы бывали почти каждый день. Прошли сотни коллективных и индивидуальных выступлений. Мы и ночью пошли бы тогда, чтобы доставить раненым бойцам удовольствие, помочь им забыть боль. Когда мне впервые выпало конферировать концерт в большом госпитале и я вышел на помост и увидел море белых повязок и раненых на носилках между стульев, у меня задрожали ноги. То была аудитория, равной которой по силе отклика и экспрессии, вероятно, нет. Зрительный зал взрывался от аплодисментов. Помню, в первом ряду сидели двое. У одного и у другого руки на перевязи, по одной здоровой руке у каждого. Так они все-таки аплодировали вместе. Это было так трогательно, что у многих артистов заблестели глаза.

А когда было решено организовать фронтовую бригаду и отправить со спектаклем и концертной программой на фронт для обслуживания воинов Ярославской коммунистической дивизии, тут в театре воцарился подлинный энтузиазм. Все сразу захотели ехать. «А я поеду?», «А я как же?»

Наконец, бригада, прошедшая просмотр в Москве, отбыла на фронт. Начальником по художественной части был маститый актер Павел Владимирович Брянский, политруком — художник Михаил Петрович Пирогов. В репертуаре бригады была комедия А. Н. Островского «Правда хорошо, а счастье лучше». Среди исполнителей были Соломина, Эделева, Данилович, Быкова, Ка-

банов, Кулебякин, Ярчевский, Королюков, Брянский и Соловьева.

Когда артисты ехали на фронт, в их души закрадывалось сомнение: «А нужны ли мы на фронте? Не напрасно ли мы возьмем этот спектакль? Не до зрелищ, наверное, солдатам на передовой».

Но артистов в дивизии принимали так, как им и не снилось. Велика была забота бойцов о нашей бригаде. Первое выступление проходило осенью, на лесной полянке. Моросил дождичек, на который никто не обращал внимания. Аплодисментов и восторгов хватало.

За месяц артисты стали настоящими фронтовиками. Где только они не выступали: и на лесных опушках, и на полянках, и на импровизированных подмостках. Между танцев устроили площадку, которую танкисты прикрепили чехлами и осветили мощными фарами. Чем не театр? Играли костюмичи много и вдохновенно.

Однажды хитрые танкисты попросту... украли бригаду и отвезли в свою часть. Над этим происшествием потом долго посмеивались. Побывали и под минометным огнем. Обстрел был настолько неожиданным, что артисты не успели испугаться, и только В. Н. Соломина возопила: «Братцы, простите, если кого обидела». Но было на самом деле опасно. В задних рядах кого-то из зрителей даже царапнуло.

В деревне, куда однажды прибыла бригада, целыми остались только две хаты. В одной — штаб, в другой — медсанбат. Артистов поместили в медсанбат, где были легко раненые. После артисты узнали, что целую ночь до рассвета солдаты ходили вокруг хаты, оберегая покой своих гостей.

Не обходилось и без драматическо-комических происшествий. Однажды нужно было переехать из одной части в дру-

гую. Политрук спрашивает возницу: «Ты дорогу знаешь?» Тот отвечает: «Как свои пять». А часть, в которую мы ехали, была на самом переднем крае. Так что ехали и слышали грохот пушек и трескотню автоматов. На одной из телег восседали Соломина, Быков, Соловьева, еще кто-то да баянист Питт. Впереди водоем. Возница круто поворачивает. Телега накреняется, и Валентина Николаевна Соломина, прихватив с собой баян в футляре, плохается в воду. С грехом пополам она причаливает к берегу и попадает в объятия бойцов: «Куда вас несет, с ума вы, что ли, сошли! Там, куда вы едете, немцы!».

Офицер, сопровождавший нас, признался потом: «Я перед первым босм так не волновался, как при переезде с вами в другую часть».

Много и хорошо поработав, бригада с чувством выполненного долга вернулась домой.

Дни, проведенные на фронте, никогда не izgладятся из памяти участников той поездки.

В военные годы театр выезжал с гастроями в Ярославль, Рыбинск, Иваново.

У себя дома театр весной (посевная) и осенью (уборочная) ездил по районам. Выезжали обычно две бригады с хорошо подготовленным репертуаром. Играли в клубах, но чаще — на полянках, на площадках грузовиков, в пожарных сараях, овинах, на току. Где мы только не выступали! Приспособились. Передвигались порою с места на место «на своих двоих», лесными тропами, по лежневке, по гатьям и болотам.

Но зритель был благодарный, и это испугало все трудности.

Да, работа была напряженная, нелепая, но благодарная и незабываемая...

К. ВЕРНИЦКИЙ.

«СЕРБИЯ ПРАВДА» 27 ИЮНЬ 1945 г. Костромь